

УДК 316.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-8

Исследовательская статья

¹Хрипкова Д. В.

²Хрипков К. А.

³Соловьев Д. Ю.

⁴Юркова О. Н.

⁵Соловьева Н. Е.

Цифровой социальный капитал как фактор пространственной адаптации: региональные сообщества России в новой геополитической оптике

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
улица Победы, дом 85, Белгород, 308015, Россия

¹davtyan@bsuedu.ru

²khripkov@bsuedu.ru

³1394276@bsuedu.ru

⁴yurkova@bsuedu.ru

⁵solovjeva@bsuedu.ru

Аннотация. *Актуальность.* В современных условиях характеризующихся существенной трансформацией геополитического пространства и ограничения традиционных каналов межрегионального взаимодействия практики взаимодействия различных акторов регионального пространства в цифровой среде становятся ключевым фактором перестройки территориальной связанности. В сложившихся обстоятельствах, цифровой социальный капитал выступает не просто технологическим дополнением, а механизмом пространственной адаптации региональных сообществ, компенсирующим дефицит физической мобильности и внешнеэкономических связей. *Проблема исследования* заключается в выявлении условий, при которых цифровой социальный капитал трансформируется из инструмента индивидуальной коммуникации в ресурс коллективной устойчивости региональных сообществ, а также в оценке противоречия между его адаптационным потенциалом и рисками цифровой фрагментации территорий. *Научные результаты.* На основе междисциплинарного теоретического анализа и данных экспертного опроса сформулировано рабочее определение цифрового социального капитала как ресурса региональных сообществ, интегрирующего цифровые компетенции, платформенные связи и нормы сетевого доверия. Выявлено, что его адаптационная функция реализуется через гибридные онлайн-офлайн практики, позволяющие преодолевать пространственные ограничения и диверсифицировать каналы ресурсного обмена. Показано, что эффективность цифрового капитала зависит от укоренённости в локальных нормах взаимности, а его ограничением остаётся неравномерное цифровое развитие регионов, создающее риски пространственной маргинализации.

Ключевые слова: цифровой социальный капитал; пространственная адаптация; региональные сообщества; цифровые сети; геополитическая трансформация; цифровое неравенство; сетевое доверие

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта Государственного задания FZWG-2026-0048 «Цифровой социальный капитал как фактор повышения

устойчивости и инновационного потенциала региональных сообществ в России: формирование, конструирование и воспроизводство».

Информация для цитирования: Хрипкова Д. В., Хрипков К. А., Соловьев Д. Ю., Юркова О. Н., Соловьева Н.Е. Цифровой социальный капитал как фактор пространственной адаптации: региональные сообщества России в новой геополитической оптике // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 116-129. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-8.

Research article

¹Diane V. Khripkova

²Kirill A. Khripkov

³Dmitry Yu. Soloviev

⁴Olga N. Yurkova

⁵Natalia E. Solovieva

**Digital social capital as a factor of spatial adaptation:
regional communities of Russia in a new geopolitical
context**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

¹davtyan@bsuedu.ru

²khripkov@bsuedu.ru

³1394276@bsuedu.ru

⁴yurkova@bsuedu.ru

⁵solovjeva@bsuedu.ru

Abstract. *Relevance.* In the context of the transformation of geopolitical space and the restriction of traditional channels of interregional interaction, digital practices are becoming a key factor in the restructuring of territorial connectedness. Digital social capital acts not merely as a technological supplement, but as a mechanism for the spatial adaptation of regional communities, compensating for the deficit of physical mobility and external economic ties. *The scientific problem* lies in identifying the conditions under which digital capital transforms from a tool of individual communication into a resource of collective resilience, as well as in assessing the contradiction between its adaptive potential and the risks of digital fragmentation of territories. *Scientific results.* Based on an interdisciplinary theoretical analysis and expert survey data, a working definition of digital social capital is formulated as a resource of regional communities that integrates digital competencies, platform-mediated connections, and norms of network trust. It is revealed that its adaptive function is realized through hybrid online-offline practices, enabling communities to overcome spatial constraints and diversify channels of resource exchange. It is shown that the effectiveness of digital capital depends on its embeddedness in local norms of reciprocity, while its limitation remains the uneven digital development of regions, which creates risks of spatial marginalization.

Keywords: digital social capital; spatial adaptation; regional communities; digital networks; geopolitical transformation; digital inequality; network trust

Acknowledgment. The study was carried out within the framework of the State Assignment Project, FZWG-2026-0048, “Digital Social Capital as a Factor in Enhancing the Resilience and Innovation Potential of Regional Communities in Russia: Formation, Construction, and Reproduction”.

Information for citation: Khripkova, D. V., Khripkov, K. A., Soloviev, D. Yu., Yurkova, O. N., Solovieva, N. E. (2026), "Digital social capital as a factor of spatial adaptation: regional communities of Russia in a new geopolitical context", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 116-129. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-8.

Введение (Introduction). Современная трансформация геополитического пространства Северной Евразии характеризуется парадоксальной пространственной динамикой. С одной стороны, внешнеполитические ограничения, логистические разрывы и институциональные барьеры физически «сжимают» территориальную связанность региональных сообществ, сокращая традиционные каналы межрегионального и транснационального взаимодействия. С другой стороны, цифровые практики, развитие платформенных экосистем и расширение сетевых коммуникаций активно «растягивает» и гибридизирует это пространство, создавая новые формы территориальной связности, независимые от географических дистанций и инфраструктурных ограничений. Такой дуализм трансформирует классические представления о пространстве как исключительно физико-географической категории и актуализирует необходимость его социологического переосмысления в условиях цифровой перестройки социальных отношений.

В этих условиях цифровой социальный капитал постепенно трансформирует устоявшиеся модели территориальной связности и социальной кооперации и приходит на смену традиционным формам капитала. Учитывая современные геополитические тренды, цифровой социальный капитал становится не только вспомогательным ресурсом, но и одним из инструментов пространственной адаптации, который способен компенсировать структурные ограничения и поддерживать региональную устойчивость в условиях внешнеполитической перестройки.

В современной литературе недостаточно изучено, как именно процессы формирования, конструирования и воспроизводства цифрового капитала в региональных сообществах России компенсируют дефицит физической мобильности и разрывы внешних интеграционных связей, а также каким образом они трансформируют локальные практики устойчивости и инновационного развития.

Цель исследования – определить возможности и ограничения применения цифрового социального капитала как механизма пространственной адаптации регионов, обосновав предположения о том, каким образом процессы его формирования, конструирования и воспроизводства способны влиять на устойчивость и инновационный потенциал региональных сообществ в условиях геополитической реконфигурации.

Методология и методы (Methodology and Methods). Концепция социального капитала начала существенно трансформироваться с процессами массовой цифровизации/дигитализации. Классическая парадигма социального капитала была заложена в зарубежной социологии конца XX века, когда американский политолог Р. Патнем, который сформулировал классическую парадигму, определяющую социальный капитал через «устойчивые сети взаимодействия, межличностное доверие и нормы коллективной кооперации» (Патнем, 2000: 283-284). В современном контексте эти классические элементы переосмысливаются с учётом виртуальной архитектуры коммуникации, что требует адаптации теоретического инструментария к реалиям цифровой среды.

Обратимся к зарубежным исследованиям. В относительно ранних исследованиях по изучаемой проблематике (С. Julien, L. Mandarano, M. Meenar, С. Steins) цифровой капитал рассматривался через призму «использования социальных платформ для установления и поддержания связей, а также цифровой грамотности как необходимого условия эффективного сетевого взаимодействия» (Julien, Mandarano, Meenar, Steins, 2015: 358).

Особое внимание уделялось сетевому измерению социального капитала. Авторы подчеркивали, что: «способность формировать и поддерживать социальные связи через цифровые каналы существенно расширяет доступ к знаниям и ресурсам, преодолевая пространственные и институциональные ограничения традиционного социального капитала» (Julien, Mandarano, Meenar, Steins, 2015: 359). Параллельно исследователи (D. Calderon Gomez, M. Ragnedda) указывали на «критическую роль онлайн-доверия, отмечая, что его дефицит снижает устойчивость цифровых сетей и ограничивает реализацию адаптивного потенциала цифрового капитала» (Ragnedda, 2018: 2367).

Зарубежные исследователи одни из первых рассматривали цифровой капитал как многомерный ресурс, объединяющий сетевые связи, цифровые компетенции, и социокультурные практики, что сформировало концептуальную основу нового типа социального капитала, характерного для цифровой эпохи.

Значительный вклад в развитие теории цифрового капитала внесли М. Рэгнедда и М. Л. Руйу (Ragnedda, Ruiu, 2020), концептуализирующие его как автономную форму капитала, отличную от экономического, культурного и социального.

Опираясь на теоретический аппарат П. Бурдьё, авторы настаивают на строгой операционализации концепта, что необходимо для его эмпирической измеримости. Центральный элемент их подхода – выделение структурных подкомпонентов цифрового капитала, позволяющее строить количественные модели его оценки. Особое внимание уделяется связующей функции данного ресурса, которая интегрирует офлайн-капитал и социальный опыт с онлайн-практиками, определяя качество цифрового участия и выступая медиатором, трансформирующим виртуальное взаимодействие в измеримые социально-экономические результаты (Ragnedda, 2018: 2367).

Цифровизация множества сфер развития общества обусловила повышение интереса российских исследователей к анализу категории «цифровой капитал». Отечественные авторы трактуют его как интегральный показатель, объединяющий цифровую грамотность, доступ к технологиям и эффективность их применения в социальных и экономических практиках (О. А. Игумнов, К. И. Насыбуллина, Е. А. Поддячая) (Игумнов, 2022), (Насыбуллина, 2023), (Поддячая, 2024). Центральное место занимает анализ связи цифрового капитала с социальным неравенством, в частности подчеркивается, что цифровой разрыв в России воспроизводится не только в оси «город – село», но и между социально-демографическими группами. В этой связи особое внимание уделяется разработке методологий оценки, включающих техническую оснащённость, образовательный уровень и навыки критической адаптации к цифровым трансформациям.

В российских исследованиях посвященных изучению цифрового социального капитала можно выделить два направления, это интеграция в повестки цифровой экономики и инновационного развития (Р. С. Чистов, Е. В. Пустовалова, Г. В. Рябкова) (Чистов, Савочкин, 2024), (Пустовалова, 2024), (Рябкова, Гариров, Гареева, 2024) и формирование запроса на институциональные стратегии повышения цифровой компетентности как фактора снижения неравенства (М. Р. Роженцова, Н. В. Торопова) (Роженцова, 2024), (Торопова, 2020). Российские исследователи ориентированы как на выявление специфики процессов цифровизации (в национальном масштабе), так и на поиск прикладных решений.

В условиях геополитической реконфигурации Северной Евразии возникает вопрос: «Рассматривалась ли связь цифровизации и пространственной трансформации в контексте социального капитала?». Прямых работ, посвящённых цифровому социальному капиталу как механизму пространственной адаптации регионов, в научной литературе пока недостаточно. Вместе с тем, ряд зарубежных и отечественных исследований косвенно затрагивает эту проблематику через анализ цифровой геополитики, трансформации суверенитета и региональной интеграции в цифровые экосистемы (D. Ciuriak, W. Mohammadi и пр.) (Ciuriak,

Mohammedi, 2023). Эти работы признают влияние цифровизации на перестройку территориальных связей и социальных практик, что создаёт теоретический фундамент для изучения цифрового социального капитала в новой геополитической оптике – как фактора, опосредующего адаптацию региональных сообществ России к структурным сдвигам.

В контексте исследуемой темы особый интерес представляет так называемая цифровая геополитика (digital geopolitics) – направление, изучающее, как цифровые технологии трансформируют традиционные механизмы пространственной власти и территориальной организации. И. З. Зироевич, показывает, как цифровая трансформация «размывает границы между внутренними и внешними государственными практиками, создавая новую динамику власти, в которой акторами геополитического влияния становятся не только государства, но и платформенные корпорации, сетевые сообщества и алгоритмические системы» (Зироевич, 2024: 77). Несмотря на то, что данные работы не фокусируются непосредственно на социальном капитале, они признают, что цифровизация качественно меняет архитектуру пространственных связей и социальных взаимодействий.

Методологическую основу исследования составила междисциплинарная рамка, интегрирующая теорию социального капитала (П. Бурдьё, Р. Коулман, Р. Патнем) и теорию сетевого общества (М. Кастельс). Такой подход позволяет анализировать цифровой социальный капитал не как изолированный ресурс, а как механизм пространственной адаптации, опосредующий трансформацию социальных связей, доверия и норм кооперации в условиях геополитической реконфигурации.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты экспертного опроса «Экспертная оценка факторов цифрового капитала в постпандемийный период» (ноябрь 2024 г., N=35), реализованного среди респондентов, рекрутированных из профессиональных сред ИТ, социологии и региональной экономики. Формирование экспертной панели производилось на основе целевого квотного дизайна, ориентированного на обеспечение репрезентативности выборки. Ключевыми критериями включения являлись: наличие профессионального стажа в профильной области продолжительностью не менее двух лет, документально подтверждённый опыт участия в проектах цифровой трансформации, социального развития либо информационной безопасности, а также компетентность в вопросах региональной специфики. Респонденты были стратифицированы по пяти профессиональным категориям: академическое сообщество (40%), представители государственных органов власти (30%), некоммерческий сектор и гражданские инициативы (20%), ИТ-индустрия (10%) и медийная сфера (10%).

Сбор первичных данных производился методом стандартизированного анкетирования. Инструментарий опроса включал 24 вопроса, консолидированных в четыре содержательных модуля (идентификация консенсусных представлений о структурных компонентах и индикаторах цифрового социального капитала; оценка функционального потенциала данного ресурса в контексте антикризисного управления; диагностика барьеров трансляции онлайн-солидарности в офлайн-практики; анализ рисков информационной безопасности и механизмов институционального закрепления ресурса). Обработка полученных массивов данных осуществлялась с применением методов описательной статистики и компаративного анализа суждений между выделенными профессиональными группами. Содержательный анализ экспертных оценок позволил идентифицировать доминирующие тренды, институциональные лимитации и системные закономерности генезиса цифрового социального капитала в региональных сообществах Российской Федерации.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В рамках исследований, посвященных социальным взаимодействиям и коллективным действиям интернет, нередко редуцируется до инфраструктурного канала коммуникации, не привносящего принципиально новых онтологических свойств. Подобная методологическая

установка допускает прямую экстраполяцию классических концепций социального капитала на цифровую среду с сохранением традиционных дефиниций и измерительных процедур. В рамках этого подхода П. Бурдье определяет социальный капитал как «совокупность актуальных и потенциальных ресурсов, детерминированных принадлежностью к устойчивым сетям взаимных связей» (Бурдье, 2002: 60). Р. Патнем дифференцирует его на ««связующий» (bonding), формируемый внутри гомогенных групп на основе сильных связей, и «соединяющий» (bridging), опирающийся на слабые межгрупповые контакты» (Патнем, 2000). Дж. Нахапиец и С. Гошал вводят структурный, реляционный и когнитивный модусы капитала, акцентируя генеративную роль доверия, разделяемых норм и ценностных ориентаций (Нахапиец, Гошал, 1998).

В современных социологических исследованиях ученые все чаще отказываются от идеи противопоставления физического (офлайн) и виртуального (онлайн) пространств, фиксируя их неразрывную связанность. Например, С. А. Гришаева указывает на то, что: «Виртуализация современной жизни сформировала виртуальное пространство (онлайн-среду), которое существует параллельно реальному (оффлайн) пространству. Практически каждый индивид современного общества существует одновременно и онлайн, и оффлайн (причем, далеко не всегда по собственной инициативе). Множество современных официальных сервисов оцифровываются, следовательно, каждый гражданин присутствует в онлайн-среде как налогоплательщик, квартиросъемщик и т.п. Кроме того, у каждого индивида может возникнуть ситуация, когда он попадает в онлайн-среду благодаря действиям своего окружения, например, родителей. Появился даже новый термин – шерентинг или шарентинг (sharenting), обозначающий гибрид слов parenting (родительство) и share (делиться информацией в сети), т.е. обмен в интернете своим родительским опытом с использованием фотографий, писем и другой информации о своих детях» (Гришаева, 2020: 72).

Цифровой социальный капитал здесь выступает не как автономная сущность, а как ресурсная база, продуцируемая через платформенные интерфейсы. Его специфика определяется высокой степенью медиатизированности и сложностью сетевых конфигураций, включающих латентные и асимметричные связи. Особое значение приобретает «поддерживающий» (maintaining) капитал, обеспечивающий пролонгацию контактов в условиях асинхронной коммуникации. В отличие от классических форм, устойчивость этого ресурса напрямую зависит от интенсивности информационного обмена и алгоритмической архитектуры цифровых площадок, выступающей активным медиатором социальных взаимодействий.

Джанин Нахапиец и Саманты Гошал отмечают, что: «Измерение цифрового социального капитала требует сочетания объективных (цифровые следы, сетевая структура) и субъективных (самооценка доверия и доступности ресурсов) методов, поскольку технические метрики не фиксируют социально-психологические аспекты» (Нахапиец, Гошал, 1998: 243). Простое суммирование индивидуальных показателей не отражает капитал на уровне сообщества, что обуславливает необходимость мезоуровневого анализа. Таким образом, цифровой социальный капитал предстаёт как социально-конструируемый феномен, требующий адаптации классических теоретических схем к специфике платформенного взаимодействия.

В настоящей статье мы опираемся на результаты экспертного опроса. Анализ полученных данных демонстрирует консенсус экспертного сообщества относительно онтологии категории цифрового социального капитала, который большинством экспертов трактуется не как техническая оснащенность или инфраструктурный доступ, а как комплекс компетенций, включающий цифровую грамотность, способность навигации в инновационных экосистемах и потенциал конвертации онлайн-взаимодействий в социально-

экономические ресурсы. Утилитарная функция цифровых инструментов отмечается 75% экспертов как ключевой критерий их эффективности и способности генерировать измеримые социальные и экономические дивиденды. Такой подход разделяют и современные исследователи, например, О. Ю. Жуковская определяет цифровой социальный капитал как: «своеобразный связующий капитал между виртуальной и реальной сферами, который является аккумуляцией цифровых компетенций (информация, коммуникации, безопасность, создание контента и решение проблем) и цифровых технологий; итак, речь идет о совокупности «усвоенных способности и готовности», т. е. «внутренних ресурсов» (цифровых компетенций), и «внешних ресурсов» (цифровых технологий)» (Жуковская, 2020: 28).

Согласно экспертным оценкам, архитектура цифрового капитала формируется за счёт взаимосвязанных компонентов, образующих иерархическую структуру. Базисный уровень составляет инфраструктурное обеспечение – доступ к сетевой коммуникации и аппаратным ресурсам, создающее технико-технологическую предпосылку для генерации капитала. На этом фундаменте надстраиваются компетенциальные элементы (цифровая грамотность и навыки работы с программными средами, определяющие эффективность освоения цифровых возможностей). Информационно-контентный блок (данные, знания, цифровой контент) выполняет функцию ресурсной базы для принятия управленческих решений и развития экономических активностей. Коммуникативное измерение, реализуемое через социальные платформы и сетевые взаимодействия, обеспечивает трансляцию знаний и кооперационные связи. Завершает эту конфигурацию нематериальный компонент – репутационный капитал и уровень доверия, аккумулируемые в цифровой среде (Рисунок). Совокупность данных элементов формирует многоуровневую систему, в которой инфраструктурные, когнитивные и социально-символические ресурсы взаимно усиливают друг друга.

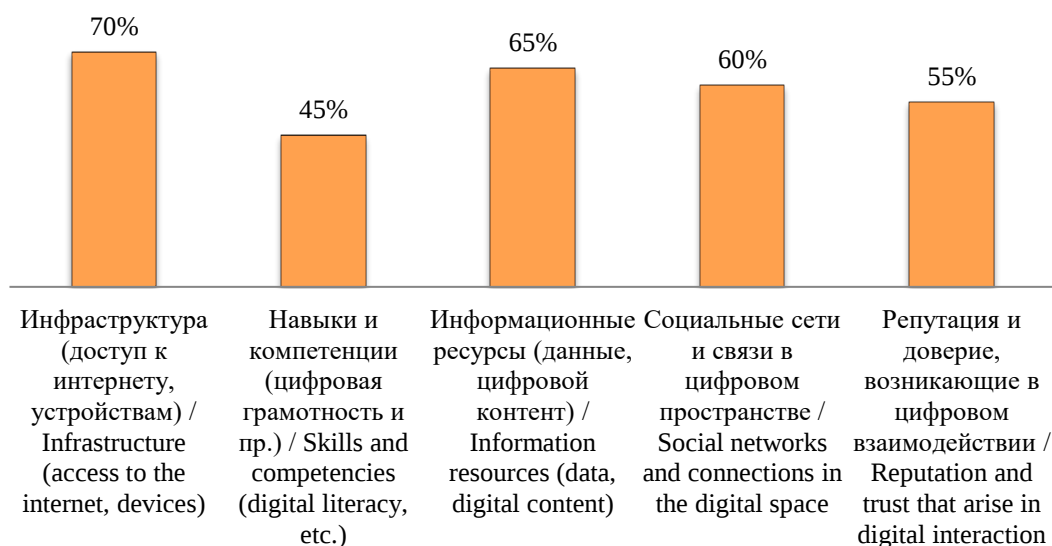

Рисунок. Распределение ответов экспертов на вопрос: «Каковы, по вашему мнению, основные элементы цифрового капитала?»

Figure. Distribution of expert responses to the question: “What do you think are the main elements of digital capital?”

Анализ экспертных суждений позволяет не только описать структуру цифрового социального капитала, но и эмпирически проиллюстрировать выдвинутые в исследовании гипотезы относительно его адаптационной функции. Консенсус большинства респондентов (около 70%) относительно того, что цифровой капитал выступает функциональным

расширением социального в онлайн-среде, подтверждает предположение о том, что высокая плотность горизонтальных цифровых связей способствует более гибкой пространственной адаптации региональных сообществ. Как отмечает один из экспертов: *«Цифровой капитал расширяет привычные социальные связи, превращая локальные сети в кросс-региональные, однако без прочного социального капитала офлайн эти взаимодействия остаются поверхностными»*. Данное наблюдение указывает на то, что устойчивость адаптационных практик зависит не столько от технологической доступности, сколько от качества доверия и норм взаимности, транслируемых из физической среды в цифровую.

Экспертное сообщество интерпретирует актуализацию онлайн-кооперации как производную от постпандемийных сдвигов и структурных ограничений внешнеполитического характера. В суждениях респондентов прослеживается связь между трансформацией цифровых образовательных маршрутов, эволюцией платформенных сервисов и снижением зависимости территориальных систем от фактора географической периферийности. Вместе с тем, показатель в 40% экспертов, фиксирующих углубление цифрового разрыва, обозначает пределы компенсаторного потенциала цифровизации. Так, сообщества, характеризующиеся низкой цифровой грамотностью и инфраструктурной гетерогенностью, оказываются в зоне риска пространственной маргинализации. Эмпирическое подтверждение тезиса о рисках пространственной фрагментации содержится в недавнем исследовании В. В. Зотова и соавторов, посвящённом цифровой маргинализации в гибридном пространстве. Авторы демонстрируют, что именно начинающие пользователи, обладающие ограниченным уровнем цифровой компетентности, испытывают «дезориентацию в политико-экономических, социально-культурных и технологических аспектах жизни цифрового общества» (Зотов, Гаврильченко, Губанов, 2025: 110), а их наиболее выраженным чувством становится «страх за своё будущее и будущее близких людей». Важным для исследуемой нами проблематики является вывод авторов о том, что «цифровая маргинализация при вхождении в гибридное пространство вызвана уровнем владения населением новыми технологиями», а отсутствие потребности в их освоении «снижает мотивацию к обучению новым цифровым инструментам» (Зотов, Гаврильченко, Губанов, 2025: 123). Данное эмпирическое наблюдение коррелирует с теоретическим допущением о том, что адаптационная функция цифрового социального капитала реализуется не в автономном технологическом режиме, а исключительно через его укоренение в сложившихся социальных практиках и локальных институтах доверия.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как онлайн-взаимодействия трансформируются в измеримые социально-экономические эффекты. Эксперты отмечают, что: *«Социальный капитал служит фундаментом для эффективного использования цифровых инструментов, поскольку доверие, сформированное в реальном мире, переносится в онлайн-среду, обеспечивая глубину коммуникаций»*. Данная позиция позволяет трактовать цифровой капитал не в логике замещения традиционных форм территориальной связности, а как «мягкую инфраструктуру», опосредующую гибкую перенастройку каналов ресурсного обмена в контексте меняющейся внешней конъюнктуры. В этом контексте Е. Л. Вартанова и А. А. Гладкова обоснованно отмечают, что: «представляется, что цифровой капитал сегодня должен рассматриваться не только как отдельный, самостоятельный вид капитала, во многом обуславливающий успешность современного человека в профессиональном, общественном и личном смыслах, но и как метакapитал, влияющий на уровни обладания другими нематериальными капиталами и использования их. Очевидно, что коммуникативный и информационный капитал в настоящее время уже неразрывно связан с цифровым капиталом, возможно, даже напрямую им определяются. Как показывают современные исследования, другие виды капитала также от него зависят, в частности социальный капитал, опирающийся на сети социальных связей, которые сами все больше

формируются социальными медиа, и культурный капитал, накопление которого связано с навыками социализации – процессом, все более перемещающимся в виртуальную медиакommunikационную среду» (Вартанова, Гладкова, 2021: 26).

Синтез полученных оценок даёт основание предложить следующее рабочее определение. Цифровой социальный капитал – это специфический ресурс региональных сообществ, интегрирующий цифровые компетенции, платформенно-опосредованные связи и нормы сетевого доверия, мобилизуемые акторами для получения социальных, экономических и культурных преимуществ в условиях трансформации общественного устройства и пространственного порядка.

Операционализация предложенного определения позволяет выделить ключевые измерения цифрового социального капитала и проследить их влияние на адаптационные траектории региональных сообществ (Таблица).

Таблица

Роль компонентов цифрового социального капитала в пространственной адаптации регионов

Table

The role of digital social capital components in spatial adaptation of regions

Компонент цифрового социального капитала / The component of digital social capital	Механизм пространственной адаптации / The mechanism of spatial adaptation	Эмпирические проявления в региональных практиках / Empirical manifestations in regional practices	Адаптационный эффект в условиях трансформации внешних связей / The adaptive effect under conditions of transformation of external connections
Структурный (сетевые конфигурации, платформенные узлы) / Structural (network configurations, platform nodes)	Преодоление территориальной изоляции через формирование кросс-региональных цифровых связей / Overcoming territorial isolation through the formation of cross-regional digital connections	Создание профессиональных хабов, локальных цифровых маркетплейсов, кооперативных онлайн-сетей / The creation of professional hubs, local digital marketplaces, and cooperative online networks	Компенсация разрывов логистических и транспортных цепей; появление альтернативных каналов обмена / Compensation for disruptions in logistics and transport chains; the emergence of alternative exchange channels
Реляционный (сетевое доверие, нормы взаимности, цифровая репутация) / Relational (network trust, norms of reciprocity, digital reputation)	Трансляция офлайн-доверия в цифровую среду, снижение транзакционных издержек кооперации / Translating offline trust into a digital environment and reducing the transaction costs of cooperation	Цифровые инициативы взаимопомощи, крауд-ресурсинг, виртуальные НКО и волонтерские платформы / Digital mutual aid initiatives, crowd-sourcing, virtual NGOs, and volunteer platforms	Поддержание социальной сплочённости при сжатии физического пространства; снижение рисков локальной фрагментации / Maintaining social cohesion while compressing physical space; reducing the risks of fragmentation

Компонент цифрового социального капитала / The component of digital social capital	Механизм пространственной адаптации / The mechanism of spatial adaptation	Эмпирические проявления в региональных практиках / Empirical manifestations in regional practices	Адаптационный эффект в условиях трансформации внешних связей / The adaptive effect under conditions of transformation of external connections
	cooperation.		of local fragmentation
Когнитивный (цифровая грамотность, общие смыслы, навыки навигации) / Cognitive (digital literacy, common meanings, navigation skills)	Ускоренное усвоение новых практик, адаптация к изменённым институциональным и рыночным условиям / Accelerated adoption of new practices and adaptation to changed institutional and market conditions	Онлайн-обучение, цифровые кооперативы, shared-экосистемы знаний и данных / Online learning, digital cooperatives, shared knowledge and data ecosystems	Повышение инновационного потенциала сообществ; снижение зависимости от внешних информационных потоков / Enhancing the innovative potential of communities; reducing dependence on external information flows
Конверсионный (способность трансформировать цифровые связи в реальные ресурсы) / Conversional (the ability to transform digital connections into tangible resources)	Генерация гибридных моделей устойчивости, где онлайн-сети усиливают офлайн-действия / The generation of hybrid resilience models, where online networks enhance offline activities	Региональные цифровые стартапы, дистанционные производственные кластеры, data-sharing инициативы / Regional digital startups, remote production clusters, data-sharing initiatives	Формирование «мягкой инфраструктуры» адаптации; диверсификация источников развития в условиях внешней неопределённости / The formation of a “soft infrastructure” for adaptation; diversification of development sources under conditions of external uncertainty.

Выбор структурного, реляционного, когнитивного и конверсионного измерений цифрового социального капитала детерминирован характером адаптационных вызовов, актуализированных для региональных сообществ в условиях геополитической реконфигурации. Классическая триадическая модель, предложенная Нахapiетом и Гошалом (структурный, реляционный и когнитивный компоненты), фиксирует преимущественно статическую конфигурацию капитала, однако не раскрывает процессуальных аспектов его трансформации в фактор резильентности при экзогенных шоках. Результаты эмпирического этапа исследования (данные экспертного опроса) свидетельствуют о том, что сам по себе факт наличия сетевых структур и межсубъектного доверия не является достаточным условием обеспечения устойчивости территорий; решающее значение приобретает способность агентов осуществлять конвертацию виртуальных коммуникационных связей в осязаемые материальные ресурсы. Данное обстоятельство служит концептуальным основанием для введения четвёртого – конверсионного – компонента в качестве самостоятельной аналитической единицы, что позволяет преодолеть ограничения исходной

теоретической схемы и эксплицировать механизмы динамического использования цифрового капитала в кризисных условиях.

Итак, цифровой социальный капитал не выступает универсальным заместителем традиционных форм связанности, а функционирует как многомерный адаптационный фильтр. В условиях трансформации внешних потоков и ограничения физической мобильности именно реляционные и конверсионные компоненты становятся критическими, так как они обеспечивают устойчивость локальных практик за счёт гибридизации онлайн- и офлайн-взаимодействий. Экспертные данные подтверждают, что технологическая доступность сама по себе не гарантирует адаптационного эффекта и он реализуется лишь при наличии укоренённых норм доверия и способности сообществ конвертировать цифровые связи в измеримые социально-экономические результаты.

Заключение (Conclusions). Цифровой (виртуальный) капитал представляет собой новую форму социального капитала, которая приобретает ключевое значение в условиях цифрового общества. Проведённое исследование было направлено на осмысление цифрового социального капитала как механизма пространственной адаптации региональных сообществ России в условиях трансформирующейся внешней конъюнктуры. На основе междисциплинарной теоретической рамки и анализа экспертных оценок показано, что цифровой капитал не функционирует как автономный технологический ресурс, а выступает гибридной инфраструктурой, опосредующей перестройку социальных связей, норм доверия и кооперационных практик. Эмпирические данные подтверждают, что адаптационный потенциал реализуется через конверсию онлайн-взаимодействий в измеримые социальные и экономические результаты, при этом ключевым условием эффективности остаётся укоренённость цифровых сетей в локальных практиках взаимности. Предложенная аналитическая модель, дифференцирующая структурный, реляционный, когнитивный и конверсионный компоненты капитала, демонстрирует, что пространственная устойчивость сообществ обеспечивается не за счёт замещения физической мобильности, а благодаря формированию дополнительных контуров связанности, устойчивых к инфраструктурным и институциональным ограничениям. Цифровой социальный капитал реализует свою пространственно-адаптационную функцию не через автономность цифровых платформ, а через усиление и переформатирование существующих социальных контуров.

В прикладном аспекте интерпретация полученных результатов позволяет зафиксировать устойчивый запрос на смещение акцентов с экстенсивного расширения цифровой инфраструктуры в сторону целенаправленной поддержки конверсионных механизмов, обеспечивающих трансформацию сетевых взаимодействий в реальные социально-экономические эффекты. Представляется обоснованным включение индикаторов цифрового социального капитала в систему стратегического планирования пространственного развития регионов, с переносом фокуса внимания на качественные характеристики цифровых коммуникаций между разнородными акторами регионального сообщества.

В качестве конкретного инструмента реализации данного подхода может рассматриваться институционализация региональных цифровых хабов, выполняющих функцию операциональных посредников между спонтанно возникающими гражданскими инициативами и формальными институтами поддержки. Подобные платформы способствуют снижению транзакционных издержек межсубъектной кооперации и обеспечивают легитимацию неформальных практик взаимопомощи в официальном дискурсе. Разработчикам специализированного цифрового инструментария целесообразно интегрировать модули верификации контента и репутационные системы, конфигурируемые с учётом локальных нормативно-доверительных контекстов, что позволит минимизировать риски информационной фрагментации и деструктивных манипуляций. Приоритет в

ресурсной поддержке следует адресовать не столько технологическим платформам как таковым, сколько институциональным агентам, обладающим потенциалом трансляции норм реципрокности в цифровую среду (некоммерческие организации, локальные лидеры общественного мнения, образовательные учреждения). В отсутствие подобной «мягкой» инфраструктурной составляющей капиталовложения в материально-техническую базу («железо») рискуют трансформироваться в невостребованные активы, лишённые практической реализуемости.

Список литературы

- Бурдые П. Формы капитала / пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60-74. EDN: OYUVRD.
- Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 1. С. 3-29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329. EDN: LEKEML.
- Гришаева С. А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 1. С. 70-81. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81. EDN: DWLIGU.
- Жуковская О. Ю. Социальный капитал и социальные сети в условиях цифровизации: взаимовлияние и особенности реализации // Цифровая трансформация. 2020. № 4. С. 21-33. DOI: 10.38086/2522-9613-2020-4-21-33. EDN: SDYOIK.
- Игумнов О. А. Цифровизация экономики и трансформация социальных отношений: цифровой капитал vs социальный капитал // Наука и инновации - современные концепции: Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума, Москва, 09 сентября 2022 года. Москва: Инфинити, 2022. С. 28-36. EDN: BQZMYF.
- Насыбуллина К. И. Человеческий и социальный капитал в контексте цифровой экономики // Бизнес и общество. 2023. № 2(38). EDN: ESJINY.
- Поддячая Е. А. Влияние цифровых трансформаций на социальный капитал // Культурно-антропологические исследования. 2024. № 1. С. 60-66. EDN: SJQQKL.
- Пустовалова Е. В. Социальный капитал личности в цифровом пространстве современного общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2024. № 16. С. 30-33. EDN: DZVGFX.
- Роженцова М. Р. Цифровое неравенство и доступ к информации жителей деревень и сёл: пути преодоления цифрового разрыва // Молодой исследователь: от идеи к проекту: Материалы VIII студенческой научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 30 мая 2024 года. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2024. С. 409-411. EDN: UGUPJN.
- Рябкова Г. В., Гарипов А. А., Гареева А. А. Цифровой капитал и цифровая стоимость в новой экономической парадигме // Дискуссия. 2024. № 6 (127). С. 122-128. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-6-127-122-128. EDN: NHZFEN.
- Торопова Н. В., Соколова Е. С., Гусейнов Ш. Р. Тенденции цифрового неравенства в цифровой экономике: особенности международной дискриминации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 8-1. С. 456-463. DOI: 10.34670/AR.2020.37.94.052. EDN: BUJXHR.
- Чистов Р. С., Савочкин Д. В. Проблема субъектности и развитие человеческого и социального капитала в цифровом обществе // Социология. 2024. № 9. С. 87-93. EDN: JMFZNS.
- Calderon Gomez D. The third digital divide and Bourdieu: Bidirectional conversion of economic, cultural, and social capital to (and from) digital capital among young people in Madrid // New Media & Society. 2021. Vol. 23, № 9. Pp. 2534-2553. DOI: 10.1177/1461444820933252. EDN: HROIUH.
- Julien C. Bourdieu, social capital and online interaction // Sociology. 2015. Vol. 49, № 2. Pp. 356-373. DOI: 10.1177/0038038514535862.
- Mandarano L., Meenar M., Steins C. Building social capital in the digital age of civic engagement // Journal of planning literature. 2010. Vol. 25, № 2. Pp. 23-135. DOI: 10.1177/0885412210394102.

Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage //Academy of management review. 1998. Vol. 23, № 2. Pp. 242-266. DOI: 10.2307/259373. EDN: ENXSWH.

Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. NY: Touchstone book by Simon & Schuster, 2000.

Ragnedda M. Conceptualizing digital capital //Telematics and informatics. 2018. Vol. 35, № 8. Pp. 2366-2375. DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006.

Ragnedda M., Ruiu M. L. Defining Digital Capital //Digital Capital: a bourdieusian perspective on the digital divide. Emerald Publishing Limited, 2020. Pp. 9-38. DOI: 10.1108/978-1-83909-550-420201002.

References

Bourdieu, P. (2002), "Forms of Capital", *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 3 (5), 60-74, EDN: OYUVRD. (In Russian)

Vartanova, E. L., Gladkova, A. A. (2021), "Digital Inequality, Digital Capital, Digital Inclusion: The Dynamics of Theoretical Approaches and Political Decisions", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 10 (1), 3-29, DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329, EDN: LEKEML. (In Russian)

Grishaeva, S. A. (2020), "Social Transformations in the Digital Environment", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, (26) 1, 70-81, DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81, EDN: DWLIGU. (In Russian)

Zhukovskaya, O. Yu. (2020), "Social Capital and Social Networks in the Context of Digitalization: Mutual Influence and Implementation Features", *Tsifrovaya transformatsiya*, (4), 21-33, DOI: 10.38086/2522-9613-2020-4-21-33, EDN: SDYOIK. (In Russian)

Igumnov, O. A. (2022), "Digitalization of the Economy and the Transformation of Social Relations: Digital Capital vs. Social Capital", *Nauka i innovatsii – sovremennye kontseptsii: Sbornik nauchnykh statey po itogam raboty Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Moskva, 09 sentyabrya 2022 goda* [Science and Innovation – Modern Concepts: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the International Scientific Forum, Moscow, September 9], Infinity, Moscow, Russia, 28-36, EDN: BQZMYF. (In Russian)

Nasybullina, K. I. (2023), "Human and Social Capital in the Context of the Digital Economy", *Biznes i obshchestvo*, (2), EDN: ESJINY. (In Russian)

Poddyachaya, E. A. (2024), "The Impact of Digital Transformations on Social Capital", *Kulturno-antropologicheskie issledovaniya*, (1), 60-66, EDN: SJQKQL. (In Russian)

Pustovalova, E. V. (2024), "Social Capital of an Individual in the Digital Space of Modern Society", *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*, (16), 30-33, EDN: DZVGFX. (In Russian)

Rozhentsova, M. R. (2024), "Digital Inequality and Access to Information for Villagers and Rural Residents: Ways to Overcome the Digital Divide", *Molodoy issledovatel: ot idei k projektu: Materialy VIII studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Young Researcher: From Idea to Project: Proceedings of the VIII Student Scientific and Practical Conference], Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, 409-411, EDN: UGUPJN. (In Russian)

Ryabkova, G. V., Garipov, A. A., Gareeva, A. A. (2024), "Digital Capital and Digital Value in the New Economic Paradigm", *Diskussiya*, (6), 122-128, DOI: 10.46320/2077-7639-2024-6-122-128, EDN: NHZFEH. (In Russian)

Toropova, N.V., Sokolova, E.S., Guseinov, Sh.R. (2020), "Digital Inequality Trends in the Digital Economy: Features of International Discrimination", *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 10 (8-1), 456-463, DOI: 10.34670/AR.2020.37.94.052, EDN: BUJXHR. (In Russian)

Chistov, R.S., Savochkin, D. V. (2024), "The Problem of Subjectivity and the Development of Human and Social Capital in the Digital Society", *Sotsiologiya*, (9), 87-93, EDN: JMFZNS. (In Russian)

Calderon, Gomez D. (2021), "The Third Digital Divide and Bourdieu: Bidirectional Conversion of Economic, Cultural, and Social Capital to (and from) Digital Capital among Young People in Madrid", *New Media & Society*, 23 (9), 2534-2553, DOI: 10.1177/1461444820933252, EDN: HROIUH.

Julien, C. (2015), "Bourdieu, Social Capital and Online Interaction", *Sociology*, 49 (2), 356-373, DOI: 10.1177/0038038514535862.

Mandarano, L., Meenar, M., Steins, C. (2010), "Building social capital in the digital age of civic engagement", *Journal of planning literature*, 25 (2), 23-135, DOI: 10.1177/0885412210394102.

Nahapiet, J., Ghoshal, S. (1998), "Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage", *Academy of management review*, 23 (2), 242-266, DOI: 10.2307/259373, EDN: ENXSWH.

Putnam, R. (2000), *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, Touchstone book by Simon & Schuster, NY.

Ragnedda, M. (2018), "Conceptualizing digital capital", *Telematics and informatics*, 35 (8), 2366-2375, DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006.

Ragnedda, M., Rui, M. L. (2020), "Defining Digital Capital", *Digital Capital: a bourdieusian perspective on the digital divide*, Emerald Publishing Limited, 9-38, DOI: 10.1108/978-1-83909-550-420201002.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2026 г. Поступила после доработки 18 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 18 June 2026. Revised 18 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Хрипкова Диана Вазгеновна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Diane V. Khripkova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Хрипков Кирилл Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Kirill A. Khripkov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Соловьев Дмитрий Юрьевич, аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Dmitry Yu. Soloviev, Postgraduate Student of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Юркова Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента СОФ Белгородского государственного национального исследовательского университета, Старый Оскол, Россия.

Olga N. Yurkova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Management, Belgorod State National Research University, Stary Oskol, Russia.

Соловьева Наталья Евгеньевна, кандидат экономических наук. Доцент, и.о. заведующего кафедрой социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Natalia E. Solovieva, Acting Head of the Department of Social Technologies and Public Administration, Candidate of Economic Sciences. Associate Professor Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.